

МАРИНА БОГУСЛАВСКАЯ

ВЕЧНОСТЬ ВНУТРИ СТЕН

Марина Богуславская

Вечность внутри стен

«Издательские решения»

Богуславская М.

Вечность внутри стен / М. Богуславская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834150-2

Совсем не утопичный, глупый мир, из-за которого кому-то предстоит пережить кратко-долгий личный Ад — их бремя на долгое время. Навсегда.

ISBN 978-5-44-834150-2

© Богуславская М.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	13
5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вечность внутри стен

Марина Богуславская

© Марина Богуславская, 2016

ISBN 978-5-4483-4150-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Мир слишком жестоко отнёсся к людям, что желали жить в своём маленьком уютном мирке. И эта жестокость однажды заставит обратиться к тем, кого общество изгнало, лишая всего – тираничный правитель, которого породило безрассудство, бродил серой тенью среди мира. Был их палачом.

Вечер начинается скучно-серым выпуском новостей и грозит никогда не закончиться. Светловолосая женщина монотонно рассказывает новости дня – кукольно-безразличная, с вечной натянутой эмоциональностью, она смотрит перед собой – и будто не видит мира, лишённая выбора, чуждая к человеческим заботам. Поэтому сидящая перед телевизором девушка не поднимает взгляд, продолжая нервно вырисовывать очередного, вечно-ненужного персонажа – без кожи и костей, без цвета и жизни, он остаётся плоским рисунком на альбомном листе, кусочком чего-то чужеродного в мире.

На экране появляется цветная рябь помех, перекрывающая ведущую новостей – и пропадает. На экране телевизора – полный мужчина с сальной улыбкой и противно-притворным жалобным взглядом – такой себе любимчик жизни и герой-неудачник многих романов. Он поправляет однотонно-серый костюм, кивает кому-то за пределами видимости и всматривается в бесконечную пустоту камер перед собой – свет неровно падает на его загорелое лицо, растворяется в жидких тёмных волосах. Его скрипучий голос, полный насмешки и презрения, в голове отдаётся эхом, осколком незаинтересованного безразличия, пустым притворным взглядом.

«Дорогие граждане! В связи с принятым законом о защите людей от вредоносной информации, согласно пункту два-восемь-два, каждый „фикрайтер“ — вне зависимости от возраста, пола и социального положения – указом Президента должен быть изъят из общества и помещён в специальный охраняемый сектор, созданный для предотвращения распространения вредоносной, ошибочной информации.»

Мужчина исчез с помехами, растворился в шуме цветных линий, оставляя неприятный осадок – горькое ощущение опасливой ненужности, грязи, чужого ужаса. Не хотелось знать, что было в головах этих бесчинствующих, заигравшийся во власть людей – или не людей вовсе.

Девушка отбросила альбом, неловко дёрнулась, силясь достать лежащий на столе телефон – экран загорелся защитой случайных прикосновений, длинный ноготь оставил царапину на плёнке и углубление – на кнопке выключения. Открыть браузер, нажать на привычно-главное окошко «Фикбук», открыть хоть что-нибудь – и увидеть, как изменился привычный мир под неприятно-кричащим «Сервер недоступен». Ей этого не хотелось – интернет пестрел этим видео-заявлением, тестовой выдержкой закона и осколком чего-то важного. Она – как и тысячи людей – была приговорена к неизвестности, возможно-глупой смерти и прощальной улыбке свободы – знать об этом не хотелось.

Официальный сайт правительства ответил ей молчаливо-скупым планом города, страны или лишь улицы – она плохо разбиралась в планах, картах и подобном. Всё выглядело слишком чётко, грандиозно и спланированно в мелочах – неделя на прощание, сборы и завершение привычной жизни; переезд в черту охраняемой высокими стенами зоны; изоляция от внешнего мира.

Мысли прервал долгий телефонный звонок, отчего телефон едва не выпал из рук – протягивая по экрану зелёное «Принять», ей не особо хотелось слышать человеческий голос – надеялась на тишину, может, нелепость очередной телефонной шутки или ошибку в номере. Такое бывает – она прикладывает телефон к уху и обмирает.

– Здравствуйте! – на другом конце линии – бодрый мужской голос, растянутая в нём насмешка тягуче-неприятная музыка одной из радиостанций. – Могу я услышать..?

– Здравствуйте... – девушка отвечает неуверенно, слышит своё имя через шум прерываемого телефонного сигнала и не знает, что ещё говорить. – Конечно.

– Надеюсь, вам известен закон о защите людей от вредоносной информации? Вы обвиняетесь в его нарушении и, приказом Президента, будете доставлены в охраняемый сектор через семь дней. Вам... О

на сбрасывает вызов, не слыша и не слушая, что договаривает собеседник – внутри остаётся липкая пустота и хочется бежать. Жаль, некуда.

«... стоит собрать необходимые вещи, попрощаться с родственниками и быть готовой покинуть страну...» – собеседник улыбнулся отключённому вызову, и принялся набирать другой номер из длинного списка, выданного кем-то из начальства. Его ночь только началась.

2

Целых семь дней перед прощанием с привычной жизнью – казалось, это до глупости большой срок, за который можно успеть скрыться, но, на самом деле, всё оказалось не так. На следующий же день пришлось заполнять бумаги с приехавшими людьми нового правительства, которые обещали, что, стоит лишь попробовать сбежать – и всё обратится в пыль. Доходчивость их слов стала главным фактором, из-за которого, слабо кивнув, пришлось оставить роспись на очередном листке, особо не вчитываясь в слова.

А потом они ушли – тихо, без лишних слов и слезливых прощаний. Просто мир изменился, и, не смотря никуда более, захотелось раствориться в его блеклых красках.

Телевизор на кухне привычно работал, разбавляя возможную тишину. Программы сменяли друг друга, пока не настало время новостей – предельно серьёзные лица, аккуратные костюмы, ровные голоса. Они говорили о том, что случится с не одной сотней людей, подытоживая их возможное будущее, и, казалось, видели в этом самую правильную в мире вещь. Изоляция других в их глазах – лучший выход из ситуации, когда кто-то, пусть и лишь теоретически, может выйти из-под контроля, потянув с собой пару тысяч человек. Это заставило холодку пробраться по спине, из-за чего тело вздрогнуло – слова сумели ударить в самое сердце, заставляя хоть немного яркий мир потухнуть, обновляясь сереющими красками бесконечности времени.

«Наши дорогие, особенные друзья, скрывающие истину собственных лиц за улыбками! Надеюсь, вы готовы к тому, чтобы попрощаться с семьями? Мы дали вам сто шестьдесят восемь часов, которые уменьшались. По окончании этого времени за вами придут, и, в каком бы состоянии вы не были, отвезут к месту сбора – до времени полной изоляции никто из вас не сможет проникнуть на сайты вашей тематики, после – лишь на вашей территории они будут работать. Для нормальных людей они заблокированы, и обхода этому нет. Надеемся, последняя ваша неделя была счастливой, и вам удалось нею компенсировать утерянное время!» – мужчина, сидящий в центре, за серым столом ведущей, криво усмехнулся, и, сверкнув масляным взглядом из-под стёкол очков, кивнул оператору, после чего картинка погасла.

Мысль о уходящем времени стала громче, нежели разговоры родителей, и, тихо пройдя в свою комнату, осталось только лечь на кровать, закрывая лицо руками. Уезжать не хочется совсем, да и ничего конкретного нам не сказали. Могут и убить ведь.

Доставая из шкафа небольшую дорожную сумку, сомнений не оставалось – нужно отдаться в руки судьбы, плывя по течению. Может, где и удастся сбежать, сейчас же это слишком не вариант, дабы попытаться – найдут, быть может, да и податься некуда. Тёмное дно быстро скрылось за нижним бельём и средствами личной гигиены, поверх которых удобно уложились тёмные узкие штаны и синие, чуть свободнее, джинсы, прикрытые парой футболок, кофточек и толстовкой. В боковой карман уместилось зарядное от телефона и жизненно важные очки, скрытые за цветочным футляром.

Закрывая сумку, молния которой не очень хотела поддаваться, подумалось вдруг, что ничего бы этого не было, если бы в один момент не захотелось проявить «талант», или правительство было лояльнее к инакомыслящим. Но думать об этом не хотелось, да и, проводив взглядом скрывающееся за замком полотенца, уложенные сверху, не захотелось уже дёргать эту, трепыхающуюся на границах сознания, мысль.

Часы показывали полвторого, за окном светило Солнце.

Неделя прошла удивительно быстро – словно один день, лишённый временных границ. Родители лишь молчаливо кивнули мне, когда я рассказала о ссылке, и я почувствовала себя такой виноватой – не желай я писать, то, наверное, на их лицах не отобразилась бы тень отчаянья. Мы прощались всего пару часов назад – обнимались, быть может, в последний раз. Мама напутственно просила следить за своим здоровьем – хорошо есть, больше спать, не перенапрягаться. Я лишь кивала в ответ, сжимая в руке небольшую дорожную сумку, наполненную вещами первой необходимости – всё остальное, сказали, выдадут на месте, не ограничивая в пишущих материалах. Родителей, естественно, сопровождать не пустили – мы простились дома, да и увиделись, наверное, в последний раз. Мои мечты о будущем обрушились вмиг, превратившись в пыль.

Вокзал, на котором нам всем нужно ждать свой поезд, был лишён людей – никто никого не встречал и не провожал, и вряд ли это из-за времени, ибо десятый час дня ранним уже не назовёшь. Такие же «заражённые», сонные, с мешками под глазами, озирались вокруг лениво, ещё не сбиваясь в маленькие компании. Каждый погружён в свои мысли, и, наверное, каждый хочет домой.

«Наверное, я выгляжу не лучше...» – подумалось вдруг, ведь, и правда, уже который год у меня под глазами темнеют мешки от постоянного недосыпания, и светлые русые волосы, сейчас стянутые в тугий высокий хвост, могут лишь блеснуть своими порванными кончиками, касаясь тонкого фиолетового свитера, подобранного к чёрным, будто облепляющим вечно тонкие ноги, штанам, любимым и наиболее удобным для поездки. Если они – хоть в чём-то живые, и будто сломленные только из-за ссылки, то я – вечно бледная, тонкая фигура среди ярких красок мира.

– Привет! – девчушка лет тринадцати, вырисовываясь на горизонте также неожиданно, как и прозвучал её голос, улыбнулась, заправив за ухо непослушную рыжую прядь, – Я – двадцать первая, а ты? – она указала на номерной символ, изображённый на клетчатой бирюзовой рубашке, марающий её тёмными чернилами. Улыбчивая, она казалась почти наивной, и её было почти жаль – вот только вряд ли всё так тихо и мило в её голове, как на лице.

– Двадцать восьмая... – я слабо улыбнулась, указав на номер, изображённый на тыльной стороне ладони, поставленный совсем молоденькой ещё девицей, на лице которой было лишь раздражение, которое она не скрывала. Высокомерная девица, что и сказать, ещё и глуповатая, раз поверила в то, что кто-то действительно чем-то заражен, что возможно вот так просто передать воздушно-капельным путём, или через прикосновение.

Новая знакомая, видимо, решившая, что отставать от меня будет глупостью, начала что-то воодушевлённо рассказывать, размахивая руками и переминаясь с ноги на ногу, протаптывая серый каменный пол мягкой подошвой зелёных кед, вместе с обтягивающими чёрными штанами, подчёркивающими слишком уж сильно её тонкие ноги.

Она чем-то напоминала мне меня, хоть и рассмотреть её со своим зрением я не могла особенно хорошо.

Люди всё прибывали – разных возрастов, разной внешности и настроения.

Ссылка ни для кого из нас не была и не станет счастьем – упекут куда подальше, и всё, и прощай, будущее.

3

Вечность, проведённая в плену несчастья, промёрзшими иглами впивается в бледную кожу, оттеняющуюся слабым желтоватым цветом и подобную тающему воску – лишённую естественной красочности, будто совсем кукольную, на которой все черты созданы от острого металлического кончика длинной иглы, которой они вырезаны. Плохое освещение слабых ламп у самого высоко потолка сгущает тени на лицах, размывая черты и забирая индивидуальность – плохо различимая внешность делает всех похожими до невозможности, отчего приходится внимательно всматриваться в лица, стараясь угадать, знаком ли с человеком. От этого взгляды углубляются, будто просачиваясь сквозь кожу, и вырисовываются из впадин предполагаемых глаз, прожигая отбивающимся светом тонкие, сереющие даже в ярких красках, фигуры, дрожащие среди вечно сырого одиночества.

Тающий лёд в черте сереющих туч, грязь в грязи, оттенки жёлтого света – и тусклый взгляд темнеющих глаз, лишённых жизни, блеклых и будто кукольных, наполненных почти матовыми цветами, выеденными с жадностью с мира, что цеплялся за них до боли в тонких прозрачных пальцах. Там вспыхивают и меркнут, светлыми разводами разбавляя тёмный зрачок, надежды, подобные на яркие фонари, изнутри горящие светом, что пробивается сквозь прозрачное стекло, рассеиваясь желтеющим сиянием.

Должно быть, они должны стать прекрасными куклами из коллекции очередного мастера, рисующего на фарфоровых лицах жизнь – не идеальные, и от этого живые, в каждой чёрточке наполненные уродливой истиной, настоящими чувствами и простыми, безыскусными красками.

Таких хранят на деревянных полках за тонкой стеклянной стеной, дабы фотографировать среди разбитого мира и беречь, словно яркие драгоценности, передаваемые сквозь поколения. Одевая в сшитые за долгие ночи наряды, стежок к стежку соединённые ткани, увенчанные пуговицами и мелкими безделушками, немного нелепо добавленными в общую композицию красок, из них делают пустующие куклы в хрупких футлярах, с почти не скрытой сетью трещин под искусственными завитыми волосами, мягко спадающими на пёструю ткань, скользко-мягкую, приятную на ощупь.

Для мира и тех, кто выше, они стали куклами под пристальным присмотром, хрупкими игрушками, лишёнными воли и выбора.

Высокий мужчина в военной форме, сохраняющий тающее во времени безразличие, с проступающей на лице безразличностью смотрит на собравшихся людей – детей, отправленных далеко от родных домов, вялых, держащих в руках свои вещи. Его с иголки шитый костюм, дополняющий выглаженный ворот светлой рубашки, только подчёркивается коротко стриженными тёмными волосами, и нависающими над чёрными глазами густыми бровями. Он выглядит серьёзным, почти грозным мужчиной, с внимательным цепким взглядом и маячащими за спиной сотрудниками.

Находясь в защитном коконе от *тех, о ком теперь запрещено говорить*, внутренне он понимал и принимал свой страх – в их руках был сосредоточен мир и сознания других, красочные мечты и налёт горькой реальности, чья-то любовь и, хрустящая от слабого нажима, воля.

– Минуту внимания! Замолчите, и слушайте! – он дёрнулся, когда множество выжигающих взглядов уставились на него, но голос не понизил, всё также громко, немного хрипло обращая на себя внимание, и сотрясая тяжёлый воздух, – В двенадцать часов ровно прибудет ваш поезд, на котором вы, без лишних остановок, будете доправлены в город изоляции. Сбежать можете даже не пытаться, с вами будут отправлены наши сопровождающие, игнорирование приказов которых может стоить многого... – он, удовлетворённо хмыкнув чему-то своему, замолчал, после чего до этого внимательные «заражённые» вернулись к своим делам, продолжая что-то читать, знакомиться или спать, опираясь о теперь единственно надёжные плечи товарищей.

Наручные часы показывают немного больше одиннадцати.

Кружащая вокруг женщина, на две головы ниже и куда тоньше него самого, учтиво предлагающая напитки и закуски, улыбнулась одобрительно, торжественно вручая запечатанную булочку в его немного дрожащие руки, и шепча одними губами, тонкими и ярко подкрашенными, о том, что через это проходят все. В её тёмных глазах мир находит лишь слабые отблески, но, должно быть, её душа всё ещё цветёт молодостью, от которой всё вокруг становится иначе.

Длинное свободное платье цвета неба, тонкими рукавами скрывающее запястья, кажется предельно лёгким, и совсем не касается её фигуры, скрывая тело полностью в своих объёмах; такие же туфли на плоской подошве, маленькие и изящные, лишённые прочих украшений; коротко стриженные чёрные волосы, наполненные бликов, едва закрывающие не проколотые мочки ушей; горящая на губах улыбка, слегка дерзкая, будто насмешливая; немного смазанные символы под рукавом, то и дело появляющиеся перед его взором – сколько бы сил он не приложил, он никак не может вспомнить её, и как-то запоздало понимает, что никто, подчёркнуто никто из государственных служащих не может сегодня быть одет в повседневную одежду. Дабы избежать путаницы.

Он отступил назад, разглядев символическое «*пятьдесят восемь*», не полностью скрытое голубыми рукавами. Прикреплённая к булочек бумажка, исписанная размашистыми буквами, говорила обо всём кратко и предельно ясно, из-за чего ему осталось лишь сглотнуть вставший в горле ком, провожая даму испуганным взглядом.

«Голубые розы всё ещё цветут, милый рядовой Птенчик?»

И кокетливый отпечаток губ, марающий розовым всю бумагу.

4

Люди, недовольно переминаясь с ноги на ногу, стояли перед прибывшим поездом, ожидая, пока можно будет занять свои места – безликая женщина в форме что-то тихо рассказывала, после чего, кивнув сама себе, отошла, пропуская в вагон. Не толкаясь, они зашли внутрь, быстро находя себе место – уставшие от длительного стояния, лишь удовлетворённо чему-то кивнули, располагаясь на полках.

Вяло отвечая на вопросы, заданные проводницей, и принимая постельное бельё, единое, что, в тот момент пленяя жаром своей стойкости, оставалось неизменным – ломающая кости усталость, инеем промерзающая на костях, липко опутывающая всё тело.

Вместо имён у них остались лишь цифры, стирающие прошлое, наносящие другие чернила на сознание у самых границ, в потресканной черноте, предназначенной для боли.

Небольшое, слабо освещённое купе, не столь душное, но заставляющее задыхаться от волнения, страха, предстоящей неизвестности. Оранжевые занавески отодвинуты в сторону и подвязаны тёмными лентами, на маленьком столике стоят четыре пластиковых стаканчика, наполненные чаем, постели на верхних полках постелены, краешками белых одеял свисая вниз. Внизу, на самом полу под обеими полками, стоят сумки с вещами, надёжно скрытые от чужих глаз. Четыре человека, ныне временные соседи, звенящую тишину не нарушают, сохраняя молчание, и думая о чём-то своём, бесконечно родном, но совершенно далёком. Единое, по правде, что их объединяет – нынешнее положение и одно только увлечение, крестом разбивающее привычный мир.

Поезд дёрнулся, проезжая по рельсам неуверенно, но стремительно набирая скорость, отчего сердце пропустило скрипучий удар, замерев, а потом ускорило ход. Привычная реальность рухнула в пропасть перед чьими-то интересами.

– Наверное, нужно познакомиться? Меня зовут кактусик, – светловолосый парень, сидящий у окна, кивнул, привлекая внимание и разворачивая очередную шоколадную конфету, отлаживая шелестящую цветную обёртку и беря в руки прозрачный стаканчик, – назовите меня так, да. Я люблю кактусы... – волосы у него блестящие, собранные в низкий хвост, кончиками касающиеся серой безразмерной толстовки. Он спокойный, даже очень, удивительно красивый – темноглазый, с плавными чертами лица и глуповатой улыбкой на тонких губах, с чётко очерченными тазовыми косточками под задравшейся от потягивания толстовкой – и вроде приятный в общении. Голос у него низкий, медовый, и говорит он быстро и чётко, немного смешливо, вызывая этим улыбку. Он сидит, с ногами забравшись на своё место, неторопливо пьёт свой чай, сдувая с него клубящийся пар, и ест конфеты – они разные, отличающиеся формой, размером и фантиками, что аккуратно сложены в небольшой прозрачный пакетик. Наверное, он ещё студент, ведь выглядит молодо, и, кажется, едва ли прожил двадцать лет.

– Двадцать восьмая, – улыбка уголками губ и устремлённый на сменяющиеся за окном краски мира взгляд. Соседи – люди вроде приятные, и молчание будет нелепым, когда они сами начинают разговор. Чай греет вечно холодные руки, медленно остывая, и я добавляю тихо, неуверенно, встречаясь с его взглядом: – просто двадцать восьмая.

– Пятьдесят восьмая, – женщина, раздававшая напитки и еду на вокзале, испугавшая того нервного мужчину, улыбнулась, на секунду отводя взгляд от книги. Она тихая,

спокойная, сидящая ровно и говорящая уверенно – это даже восхищает в такой ситуации. Может, когда-то учительница, раз держится со спокойной уверенностью перед незнакомыми людьми, и с лёгкостью вызывает доверие – она старше всех тут, но выглядит молодо и ещё полна сил для авантюры. На её ногах, скрытых за тонкими чёрными колготками, обуты мягкие, должно быть, серые тапочки, и веет от неё почти домашним уютом.

– Сто третья, – девушка, сидящая рядом со мной, слабо кивнула головой, отчего её зелёные волосы закрыли её лицо. Бледная едва не до прозрачной кожи, тихая, в тонких руках сжимающая свой чай и не смотрящая на остальных, будто смущённая, она создаёт ощущение тепличного ребёнка с попыткой в свободу. На коленях лежит книга по анатомии, толстая, тяжёлая, которую она читала до этого, и которая своим весом прижимает вязанный тёмный кардиган к ногам, обтянутым синими джинсами и обутыми в тёмные балетки. Милая, что и сказать, наверное, ещё школьница, да и добрая очень – предлагает всем печенье с шоколадной крошкой, вроде домашнее, и спрашивает о самочувствии.

«Мило...» – я улыбнулась своим мыслям, чувствуя тягучую боль в пояснице, вызванную, скорее всего, неудобной позой – слишком ровно сидящая, будто примерная девочка, я боюсь доставить неудобств другим. Все кажутся такими приятными, и никто не кислит ощущениями, отчего становится легче на душе. Может, и правда все объединены этой ссылкой, а, может, это просто привычное молчание.

Кактусик предлагает всем своих конфет, доставая их из безразмерной сумки, кажется, набитой лишь ими. Руки у него тёплые, даже горячие, а конфеты сладкие, оставляют едва ощутимый привкус шоколада – он рассказывает что-то, распечатывая очередную конфету, и, кажется, действительно внимательно его слушает только сто третья. К нему заглядывает, видимо, знакомый или хороший друг – смотрит пронзительным взглядом, понятиливо улыбается и кивает ему, говоря что-то вроде «*Да тебе повезло!*», но его голос растворяется в шуме других голосов – все знакомятся активно, что-то обсуждают и пишут вместе, весьма не двузначно смеясь.

Впереди – ещё около четырнадцати часов поездки. Ожидаемое время прибытия – второй час после полуночи. «*Вам ли не привычно?*» – очередной подчинённый уродливого правительства криво усмехнулся, слыша недовольство, и ушёл к себе, показательно хлопая створками разъезжающихся дверей.

В соседнем купе громко и выразительно читают, видимо, вместе написанный рассказ, наполненный совершенно разным смыслом в каждом предложении. Громкий, приторно-сладкий голос, и не менее громкие слова о любви наших сопровождающих – единое, что слышно, и, кажется, ближайшее время их активная деятельность не замедлится.

– Зато не скучно! – пятьдесят восьмая улыбнулась, и, отложив свою книгу, вышла, решив, видимо, присоединится. Из соседнего купе послышался голос двадцать первой, и, после – смех.

Я забралась на полку с ногами, прижимая коленки к груди – вокруг никто не собирался спать, хотя моя соседка сверху сначала и порывалась, но потом, всё же, осталась, неловко улыбнувшись.

Город-утопия, лишённый символики и отданный тем, кого не сошлют в Сибирь, а лишь скроют от чужих глаз, упрятав за высокие стены. Мир, ставший на время домом – небольшой, цветущий яркой зеленью и цветниками, пестреющий однотипными зданиями и примечательный открытым интернетом, тут же возвращающий к родному и столь любимому сайту, смерти и спасению. К новому месту жительства нас развезли автобусами – на улице темно, лишь звёзды да Луна светят, поэтому было страшно, сначала, выходить и что-либо делать вовсе.

Привычный рабочий кабинет, несколько отметок о деятельности тех, кто прибыл раньше, два отзыва и восемь оценок на собственном профиле – ничего особенного, кроме достаточно мрачных мотивов чужих работ и радостно-грустных строк комментариев. Новость о ссылке на главной странице, разбавленная словами о спокойствии, должно быть, мало чьё внимание привлекла, ведь и увидеть то её смогли лишь на этих проклятых землях, в которых мы заточены. Ничего примечательного в нынче закрытом для других сайте – пока что ничего.

Трёхэтажные коробки домов, по две квартиры на этаж небольшого подъезда, лампочка у входа, дверь с электронным замком – простой и почти уютный мир, который должен стать привычным. На выданной ранее бумажке красуется адрес, по которому и стоит теперь жить – ***Смежная улица, дом три, третий подъезд, второй этаж, квартира пятнадцать***. Это столь непривычно для человека, всю жизнь прожившего в частном доме – жить в квартире, что сама мысль о соседях беспокоит – раньше они были дальше.

В пяти минутах ходьбы библиотека, хранящая множество старых, покрытых пылью книг. Недалеко от неё – парк, рассчитанный на недолгое *«погулять»*. В паре минут от дома – продуктовый магазин, в котором работают всё те же сотрудники службы правительства, раньше сидящие в тёплых офисах, разбирая кипы бумаг. Это всё видно после недолгой прогулки от остановки к новому месту жительства, и кажется совсем простым.

Дверь открывается быстро, противно скрипя, и я прячу ключи в карман, сильнее сжимая в руках сумку, и захожу в подъезд – небольшой, но светлый и не грязный, он не пугает так, как до этого мною было ожидаемо. Две минуты, и я стою у двери, открывая её ключами и неловко тяну на себя. Свет не горит, да и не должен – нынешний *«дом»* погружен во мрак. Ненадолго. Выключатель рядом с дверью щёлкает, после чего, через пару секунд, зажигается свет в небольшом коридоре – узком, лишь разделяющем комнаты, но размером не смущающим. Свет отбивается от зеленоватых стен, и теням нет места, где сгущаться.

Небольшая квартира на две комнаты и соседи за сравнительно тонкой стеной.

Маленькая ванная комната, в которой двум людям и дышать нет где, выглядит чистой, и совсем не походит на рассадник грибков и грязи, как подобное место описывают другие, с брезгливостью отмечая уйму грязи при переезде, и сорванные от уборки спины. Небольшая кухня обставлена по минимальной надобности – деревянный обеденный стол у желтоватой стены, два стула, газовая печь на четыре конфорки, старенький холодильник, два навесных шкафчика для посуды, тумба, небольшое окно – всё, что требуется для жизни, и не больше. Совсем крохотная гостиная, уместающая не очень то и старый, благо, телевизор, диван и рабочий стол, кажется наиболее удачным местом для работы – стены у неё тёплого песочного цвета, освещение не режет глаза и создаётся атмосфера хрупкого уюта, которая мягко и ненавязчиво вдохновляет и настраивает на романтический, мечтательный лад.

Спальня, окно которой, зашторенное, выходит на соседний дом, кажется наиболее правильной в этой квартире комнатой – кровать застелена оранжевым постельным бельём, рядом с громоздким шкафом стоит стул, лампочка слабо освещает комнату, наполняя её неким неестественным даже уютом, на прикроватной тумбочке стоят простенькие часы с будильником, на подоконнике, ровно под которым расположилась белая батарея, стоит кактус, деревянный пол скрыт светлым ковром с высоким ворсом. Всё не новое но и на том, как говорится, «*Спасибо*» – условия могли быть и хуже. А тут даже квартира, ещё и с мебелью.

И довольно шумные соседи – друзья из соседнего купе, сразу же начавшие двигать вещи в квартире – надеюсь, двигать – совсем не раздражают даже, как обычно бывает в подобных случаях.

Я оставляю сумку в спальне, и возвращаюсь на кухню, дабы поставить чайник – меня встречает удивлённый, уже знакомый парень, что, тем ни менее, быстро одёргивает себя, и опять глуповато улыбается, продолжая заниматься тем, на чём его прервали, будто это всё – нечто будничное.

– Я твой сосед по квартире, – кактусик улыбается, распечатывая пачку чёрного чая в пакетиках, – не спрашивай, почему. Меня просто отправили сюда. Отпразднуем наше сожительство чайком? У меня есть конфеты... – он указывает на большую коробку шоколадных конфет, наверняка, опять до пристрастия сладких, и ставит на печку чайник. На столе уже стоят две чашки, которые он достал быстрее, чем я успела об этом подумать – в них заботливо насыпан сахар, и одиноко лежат чайные пакетики, ждущие своего, неминуемого, мокрого, выжимающего все цвета, конца.

Смущение, вперемешку со рвущимися наружу ругательствами, заставляет замереть – не получается осмыслить всю эту ситуацию. Жить с парнем в тесноте небольшой квартиры, непонятно где, и непонятно как долго – не сказка.

– Кактус в спальне, кстати, тоже мой... – он улыбается, как ни в чём не бывало, смотря прямо в глаза. Кипит чайник.

5

И жизнь вдруг не кажется такой простой, а двадцать первая живёт в четвёртом подъезде, о чём тут же сообщает радостно, врываясь в квартиру, как в дом родной. С громким стуком в дверь и дребезжанием дверного звонка, она нарушает утренний покой, наверняка разбудив соседей во всём доме. Она вешается на шею, что-то бурно рассказывая, и лишь потом обращает внимание на Кактусика, вышедшего в коридор – взлохмаченного, с распущенными волосами, в тонкой тёмной футболке и чёрных штанах. В его руках – белая кружка, к стенке которой прилип зеленоватый ярлычок чайного пакетика, в глазах – недоумение. Воодушевление девушки сменяется смущением, и она, пискнув, становится рядом, опуская вдруг взгляд – незнакомый ей парень у её почти подруги заставляет думать о том, что она – лишняя, и уходить нужно быстрее, дабы не мешать им добавлять в свою жизнь любовь, неприятно приторную, словно флафф, который она так не любит.

– Вау, да ты ещё и с парнем живёшь... – неловко теребя краешки белой блузы и стараясь не засмеяться сквозь горячее алым смущение, двадцать первая выдаёт быстро, хватаясь за ручку двери: – Наверное, м, я не буду вам мешать. Увидимся завтра, да. Пока... – она выходит из квартиры тихо, захлопнув за собой дверь, и оставляет лишь тень неловкости и отголоски сумбурности. А потом, всё ещё смущённая, не озираясь, выходит из подъезда, бредя к магазину, в который и собиралась пригласить тамошнюю подругу, дабы не идти одной.

Кактусик смеётся, от неосторожного движения обливая себя чаем, горячим, обжигающим кожу. Тёмная ткань намокает, эротично так прилипая к телу – улыбка не сходит с его губ, и он уходит в спальню, попутно оставляя свой чай на пустующем пока столе в гостиной. Копошится там, чертыхается – возвращается во вчерашней толстовке, одёргивая её и поправляя невидимые складки с самым важным видом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.